

Дмитрий Быков
ГОРЬКИЙ И «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА».
(«Собеседник» № 15, 19—26 апреля 2017 года).

Уроки по отечественной литературе XX века известный литератор, поэт, публицист, журналист «Собеседника», преподаватель проводит в рамках этой рубрики раз в месяц. Сегодня речь пойдёт об одном из самых значительных произведений Максима Горького.

* * *

Слава Богу, учитель свободен в выборе литературы по курсу одиннадцатого класса, а потому вместо «Матери» и даже пьесы «На дне» вполне уместно будет выбрать для изучения — пусть выборочного — итоговую четырёхтомную эпопею Горького «Жизнь Клина Самгина». Всю её читать, конечно, необязательно: на месте нынешнего хрупкого, быстро утомляющегося читателя я прочёл бы весь первый том и конец третьего (там, где хлыстовские радения и знаменитая Марина Зотова, красавица, ушедшая в секту).

Книга как месть.

Мнение о том, что «Клим Самгин — неплохая штука, но Боже мой!» (приписывается Безыменскому), — всё же не совсем верно. Для читателей моего поколения эта книга была источником эротических впечатлений и филологических открытий. Скажу больше: из всех хроник русского Серебряного века — самого интересного времени в истории всемирного авангарда — «Самгин» безусловно наиболее полон и лучше всего написан.

Думаю, эта книга была отчасти актом мести Владиславу Ходасевичу —

единственному человеку (ещё, пожалуй, Маяковский, но там вышла открытая ссора), сумевшему соскочить с горьковского крючка. Горький обожал покровительствовать младшим и фактически поработал их; он был щедрым, отечески доброжелательным учителем — но есть люди, которые покровительства не переносят. Больше того — дорастив ученика до определённого уровня, Горький начинал ревновать его, как большого, соперничать с ним и даже целенаправленно ему мешать; так рассорился он с Леонидом Леоновым, Фёдором Гладковым, Иваном Буниным, если уж на то пошло... Ходасевич сам сбежал от Горького, и Горький ему отомстил. Как «Евгений Онегин» был мезьей Раевскому и потому полон личной боли, делающей эту книгу столь живой и горячей, — так и «Самгин» стал мезьей целому человеческому типу — «Отряду интеллигенции «Мы говорили», как называли эту категорию Андреев и Горький в совместной пародийной пьесе.

«Смешные люди».

Самгин — сноб. Эту категорию людей Горький недолюбливал, временами ненавидел, а притом люто ей завидовал: ему всегда важно было хорошо выглядеть, он много заботился о репутации и публично в том признавался («Я хочу быть похороненным в приличном гробе», сказано в едком рассказе «О тараканах»), и потому его бесили те, кто всегда умел сохранять неуязвимо-насмешливый вид, те, кто всегда прав, потому что никому не сострадает. Сам он так не умел. Он и ненавидел этот тип, и любовался им. «Жизнь Клим Самгина» — «История пустой души», как называлась она вначале, — была именно книгой о человеке, всегда умеющем выглядеть хорошо, о человеке вечно сомневающемся, осторожном, насмешливом, совершенно пустом внутри и притом

необычайно солидном внешне. Это учебник такого поведения. Вдобавок Самгин необычайно привлекателен для женщин — как всякая пустота, которую они заполняют по своей прихоти. Сам он не любит никого, даже себя, но прекрасно подмечает чужие слабости, глупости и смешные стороны. Человек вообще смешон — «Все люди смешные», говорил Горькому Толстой. Особенно смешон, когда влюблён, или поглощён идеей, или желает служить человечеству, или ест что-нибудь вкусное.

Бог и половые органы — это ужасно!

«Самгин» — портретная галерея типажей начала века, увиденных глазами Самгина: это даёт Горькому отличную возможность нарисовать именно сатирический, язвительный портрет большевика Кутузова, журналиста Лютова, роковой женщины Лидии Варавки (впрочем, в неё Клим влюблён, и потому она не только трагикомична, но ещё и очень привлекательна). «Подумай, ведь это ужасно — Бог и половые органы!» — восклицает Лидия сразу после того, как Самгин её успешно довёл до оргазма, и в этом восклицании целый тип, вдохновлявший и Блока в «Снежной маске», и Бунина в «Чистом понедельник». А уж русская красавица Алина Телепнева — вообще один из самых привлекательных женских образов в русской прозе; она там рассказывает историю о другой красавице, которая за миллион согласилась явиться купцу голой — и купец сказал, что и миллиона мало: «От Бога красота ваша!» «А ты за какие деньги показалась бы?» — иронически спрашивает Клим и получает убийственный ответ: «У тебя таких нет, милейший». И у него таких действительно нет — он начисто лишён человечности, а это единственное, чем можно расплатиться за любовь.

Редкое собрание типов.

Горький многократно уверял, что «Самгин» — единственная книга, которая от него останется: «Про меня будут говорить — он написал множество плохих книг и одну хорошую». В смысле чистого художества первые три тома «Самгина», написанные тщательно, сухо, без обычного горьковского пафоса и многословия, в лучших европейских традициях, действительно выше остальной горьковской прозы, где автор чаще пересказывает, чем показывает. Видишь всех — и мучнистых сестёр Сомовых, и красавца Туробоева, и самого Самгина, похожего в своих дымчатых очках на чеховского Беликова, но в интеллигентском, сильно усовершенствованном варианте. В романе мало исторических лиц, но много «типов» — и, пожалуй, угол зрения выбран идеально, потому что именно люди, умевшие казаться, а не быть, преобладали в тогдашней России и погубили её. Всех заботило то, как они выглядят, а не то, что они делают (или, точнее, что их руками делает история). Всеобщее попустительство, ложь, кривлянье, забвение простейших правил, насмешка над здравым смыслом, любопытство вместо любви, разврат вместо веры — всё это Горький изобразил с редкой для него брезгливостью; есть там и хлыстовская богородица Зотова, которую в конце концов убивают, потому что она заигралась с тёмными, иррациональными силами. Народ в «Самгине» (Горький никогда в этом не признавался так откровенно) — стихия тёмная, опасная, враждебная культуре; эта сила, кажется, и сметёт пролетариат, превратив русскую революцию в многолетнюю бойню. И намёки на это есть в романе, но Горький по понятным причинам осторожничал.

Недописанный роман.

Одного он не сумел сделать — закончить книгу. Оставалось ему, судя по наброскам, страниц 50, но их-то он и не мог дописать, и не в пневмонии дело. Он бы, думается, всё равно не закончил книгу, это участь всех советских эпопей, начатых в двадцатые, и даже «Тихий Дон» затормозил: четвёртый том писался дольше, чем три предыдущих. Иссеякала инерция революционного толчка, торжествовала новая реакция, а главное — Горький не учёл важной особенности снобов. Они живут, может быть, не очень нравственно, но умирают красиво. Им же важно, как выглядеть. И Ходасевич, чья жизнь отнюдь не пример высокой морали и удачливости, умер как герой — потому что ему не всё равно было, что о нём скажут. Героической смерти своему Самгину Горький не придумал, а придуманная — его раздавила толпа на демонстрации — Горькому не подходила, он чувствовал тут ложь. Правильно он понял одно: тип Самгина с новой русской реальностью несовместим, он сходит со сцены. Но вот станет ли без него сильно лучше? И не превратится ли его роман из эпиграммы в эпитафию? Этот вопрос остаётся открытым и поныне.

Но читать — большое удовольствие. «Самгин» — отличная школа отращения к людям и к себе: последнее необходимо, чтобы хоть что-то наконец изменить. В первой половине девяностых привлечь внимание к роману не смогла даже неплохая экранизация Виктора Титова. Зато теперь, кажется, самое время.